

УДК 821.161.1Идиот7Достоевский.07
DOI 10.17223/18137083/69/25

О. Е. Осовский

Мордовский государственный педагогический институт, Саранск

**Живопись в слове: экфразистические стратегии
в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»**

Рецензия на книгу:

**Перлина Н. М. Тексты-картины и экфразисы
в романе Ф. М. Достоевского «Идиот»
СПб.: Алетей, 2017. 288 с.**

Рассматривается монография американского литературоведа Н. Перлиной, посвященная художественной специфике представления живописных полотен и визуализированных сцен в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». Автор, проводя краткий экскурс в историю понятия «экфразис» и осмысления его места в риторике, семиотике и теории литературы и современной коммуникации, определяет задачи и приемы введения живописного полотна, фотографии и иных объектов в текст словесного произведения. По ее мысли, экфразисы виденных Ф. М. Достоевским картин играют важную роль в общем замысле, поэтике, самой структуре «Идиота», организуя отдельные эпизоды и даже сюжетные линии романа, придавая особую символику его образам.

Ключевые слова: экфразис, живая картина, визуализация, роман Ф. М. Достоевского «Идиот», «реализм в высшем смысле».

Российским литературоведам американский славист Нина Перлина известна прежде всего как автор биографии О. М. Фрейденберг и многочисленных статей о русской литературе XIX в., Н. В. Гоголе, Ф. М. Достоевском, наследии М. М. Бахтина¹. Интерес к научной концепции О. М. Фрейденберг и европейской античности, русской классике и карнавально-смеховому миру славянского фольклора, идеям М. М. Бахтина и современной западной теории во многом определяет подходы автора в рецензируемой книге.

¹ О вкладе ученого см. посвященный ей юбилейный сборник: Indiana Slavic Studies. Volume 18: From Petersburg to Bloomington: Studies Presented in Honor of Nina Perlina. Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2012. 376 p.

Осовский Олег Ефимович – доктор филологических наук, научный сотрудник кафедры лингвистики и перевода факультета иностранных языков Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева (ул. Студенческая, 13а, Саранск, 430027, Россия; osovskiy_oleg@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2019. № 4
© О. Е. Осовский, 2019

Нельзя сказать, что рассматриваемая проблема является однозначно новой и не исследованной. Литература об экфразисе насчитывает десятки томов, сотни статей, впрочем, исследовательница и не претендует на теоретическую новизну заявленной темы, четко обозначая круг авторов, чья интерпретация экфразиса созвучна ее пониманию этого непростого явления. Следует отметить, что для Н. Перлиной характерна довольно редко, увы, встречающаяся в наше время научная корректность в обращении с текстами коллег. Оттого прилагаемая к книге библиография может служить своего рода путеводителем и по современной теории экфразиса (от Н. Баргинской до О. Коваля, Д. Токарева и др.), и по проблеме экфрастичности у Ф. М. Достоевского (Е. Новикова, Т. Касаткина, К. Степанян и др.). Н. Перлина почти минимизирует стоящую перед книгой задачу, предполагая лишь дополнить уже сказанное разбором конкретного произведения: «Среди работ по экфразису <...> мне не удалось найти ни одной монографии, в которой бы рассматривался вопрос о роли экфразиса в одном конкретном романе. Это укрепило меня в решении написать об экфразисе в романе Достоевского “Идиот”» (с. 5–6).

Именно этим обусловлено обращение автора к историко- и теоретико-литературному аспектам экфразиса. Опираясь на известные работы Н. Брагинской, она прослеживает историю интерпретации этого явления от поздней античности, прежде всего Филострата Старшего, до новых литературных эпох. Нельзя не заметить определенную субъективность в подходе автора, из всего многообразия имен теоретиков нарративного экфразиса выбравшей О. М. Фрейденберг, однако для развития научного сюжета этот выбор оказывается оправданным. «С установлением границы между субъектом и объектом речи, появление просителя, обращающегося к милости божества, его мольба-обращение превращалась в “косвенный рассказ” о перенесенных претерпеваниях, – пишет она вслед за автором «Поэтики сюжета и жанра». – “*Sta, Viator!*”, – в этой афористической формуле античной эпитафии-эпиграммы содержится эмбрион и экфразиса, и рассказа-наррации» (с. 15). Само сближение экфразиса с иными формами наррации в процессе становления повествовательных жанров примечательно: в дальнейшем оно позволит Н. Перлиной использовать максимально широкое понимание экфразиса как способа воспроизведения в литературном тексте не только живописного полотна, гравюры и других объектов искусства, но и любой «живой картины», массовой сцены, диалога или воспоминания, имеющих оттенок «срежиссированности». Именно поэтому в «теоретическом экскурсе» представлено довольно подробное обоснование экфразиса не только как «косвенного рассказа», но и как «конструктивной модели повествования», а глубокое знание работ М. М. Бахтина позволяет ей не без оснований определить экфразис как одно из проявлений бахтинского «чужого слова» и согласиться с формулой «диалогического экфразиса». «Непосредственный или воображаемый контакт с созерцаемым объектом искусства, всегда внутренне диалогичный по смысловому наполнению, – поясняет она, – лежит в основе экфразиса» (с. 18).

Экскурс в теорию подкрепляется выразительными историко-литературными примерами. Так, подтверждением широкого поля возможностей, открываемого для писателя диалогизмом экфразиса, служит отчасти пародийная, отчасти травестийная интерпретация в «Идиоте» образов и сюжетов и их визуального контекста из «Дамы с камелиями» А. Дюма-сына. Проникновение в теоретический раздел конкретного материала более чем оправдывает себя: читатель сразу получает возможность от «сухой» теории перейти к конкретике текста. Подобная диалогическая связь присутствует и в ситуации перехода от «практики» к «теории», и в следующем разделе, размышляя о специфике экфразиса в связи с фотографи-

ческим портретом Настасьи Филипповны, Н. Перлина обращается к семиотике фотографии Р. Барта.

Естественно, что основное внимание литературовед уделяет тому, как и для чего возникают словесные образы тех или иных картин, известных сюжетов в романном пространстве. В четко структурированной монографии этому посвящены пять разделов, в которых последовательно анализируются различные формы и форматы представления экфразисов и текстов картин в «Идиоте»: «Встречи с лицами и портретами», «Картины смертной казни и разговоры о вере», «Сервантес – Достоевский, Мышкин – Дон Кихот», «Треугольник Настасья Филипповна – Мышкин – Аглая: Картины борьбы душевных сил», «Косвенные рассказы-экфразисы четвертой части романа».

Погружаясь в детали биографии писателя, представленные в его переписке, воспоминаниях А. Г. Достоевской и других современников, исследовательница убедительно реконструирует его отношение к тем самым полотнам, экфразисы которых так по-разному воспроизведены на страницах романа. Каждая из виденных Ф. М. Достоевским картин становится своего рода ключом к соответствующим частям «Идиота»: это и «Три сестры» и «Мистическое обручение святой Екатерины» Дж. Пальма Веккьо, и «Христос в могиле» Г. Гольбейна-младшего, и «Усекновение главы Иоанна Крестителя» Г. Фриса. Обращаясь к картине, писатель не просто вступает в творческий диалог с художником и создает атмосферу фрагмента, эпизода или главы, но и обозначает некий модус разворачивающегося повествования – от насмешливо-иронического до бесконечно трагического. Так, веселая юность трех очень живых героинь Дж. Пальма Веккьо отзывается в известном портрете Александры, Аделаиды и Аглаи Епанчиных: «Все три девицы Епанчины были барышни здоровые, цветущие, рослые, с удивительными плечами, с мощною грудью, с сильными, почти как у мужчин, руками» (с. 36). Картина Г. Гольбейна становится во многом определяющей для важнейших разговоров о боге и смерти, которые ведут Мышкин, Рогожин, Ипполит и другие персонажи. Впечатление, произведенное этой картиной, по воспоминаниям жены, на Ф. М. Достоевского, передано многим героям, и не случайно копия этого полотна оказывается в доме Рогожина. «Мистическое обручение святой Екатерины», по мнению Н. Перлиной, может быть интерпретировано как иллюстрация истории Аглаи Епанчиной и представлено в романе рядом «мини-экфразисов», соответствующих конкретным событиям в жизни героини.

Подчеркнем еще раз, что характерное для исследовательницы расширительное толкование экфразиса в значительной степени облегчает ей визуализированную интерпретацию фигуры главного героя. Сформулированная писателем задача показать явление «положительно прекрасного лица» решается соединением в князе Мышкине черт Христа и Дон-Кихота: «Как создатель романа о положительно прекрасном лице, автор апеллирует к ответным чувствам и восприятию читателя, таким образом, установка на экфразис оказывается заданной по отношению и к создаваемому, и к созданному тексту» (с. 159). При этом Н. Перлина имеет в виду не конкретные картины, связанные с Христом или героем Сервантеса, но общую сюжетную канву и логику поступков князя, обретающих под пером писателя почти иконическую выразительность.

В заключение предположу, что в книге обозначен путь, которым на смену «дагеротипному реализму» натуральной школы и ее прямых последователей приходит «реализм в высшем смысле». Нет сомнений, что исследовательнице удалось показать одну из важнейших особенностей писательского видения Ф. М. Достоевского. Более того, очевидно, что эти черты имеют место и в других его произведениях, и предложенный американским славистом подход мог бы найти про-

должение в анализе ранней прозы писателя, повестей и рассказов зрелого периода, других романов.

O. E. Osovskiy

*Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseviev
Saransk, Russian Federation, osovskiy_oleg@mail.ru*

Painting with the word: ekphrasis strategies in F. M. Dostoevsky's "Idiot"

Book review:

Perlina N. M. Teksty-kartiny i ekfrazisy v romane F. M. Dostoyevskogo "Idiot" (Texts-pictures and ekphrasis in F. M. Dostoevsky's "Idiot"). St. Petersburg, Aleteyya, 2017, 288 p.

The reviewed monograph of American slavist Nina Perlina demonstrates the role of ekphrasis in Dostoevsky's novel and different ways to present old masters' paintings. The specific nature of Dostoevsky's realistic talent makes it necessary to give a detailed review of the ekphrasis theory and its Russian sources. The history of the ancient ekphrasis in the works of O. Freidenberg and N. Braginskaya helps the author to create her understanding of the phenomenon and its visual potential for the modern narrative practice. One of the most important points of N. Perlina's ekphrastic theory is the idea of ekphrastic dialogism based on the views of Mikhail Bakhtin and presented in the forms of "reported narration" and a "constructive narrative model."

Different forms and formats of Dostoevsky's realization of the ekphrastic strategies are analyzed in five successive chapters: "Meetings with faces and portraits", "Death penalty pictures and talks about the Faith", "Cervantes – Dostoevsky, Myshkin – Don Quixote", "The triangle Nastasya Filippovna – Myshkin – Aglaya: Pictures of the inner struggle", "The reported ekphrastic narrations in the fourth part of the novel". N. Perlina gives the detail description of the iconographic history of the paintings and the nuances of Dostoevsky's visits to the museums of Basel and Dresden and his reception of the works by G. Palma Vecchio, H. Holbein, H. Fries. The paintings play a significant role in the iconical, ideological, symbolical, religious structure of the novel, helping to reveal the profound meaning of the episodes with the most tensed collisions of the characters.

Keywords: ekphrasis, live picture, visualization, F. M. Dostoevsky's "Idiot," "realism in the highest sense".

DOI 10.17223/18137083/69/25